

Глава 1

Уайтчепел, Лондон

Фантастический женский цирк Фарнема, 1815 г.

Первый удар из двух пришелся Марианне в живот, а сразу за ним последовал апперкот в челюсть, от которого она, пошатнувшись, отлетела к канатам.

Кровожадная, чисто мужская толпа вполне предсказуемо обезумела. Эти вопли и глумливые издевки напомнили Марианне, что следует внимательно следить за соперницей, а не пялиться на незнакомца в зрительном зале. Она споткнулась, но тут же выправилась и поспешно сосредоточилась.

К сожалению, отдышаться было гораздо сложнее.

После двух лет занятий боксом Марианна знала: это знакомое ощущение — как будто из легких вышибло весь воздух — следует игнорировать. Но одно дело знать, и совсем другое — делать. Требовались все ее силы, чтобы оставаться в вертикальном положении и двигаться, в то время как легкие пытались восстановить естественный ритм дыхания. Перед глазами все расплывалось, а грудь распирала зарождающаяся истерика.

Марианна стряхивала с волос блестки, снова и снова пытаясь вдохнуть, и наконец тоненькая, жалкая струйка воздуха проникла в легкие. Не так уж много, но все же это помогло: перед глазами прояснилось, и как раз вовремя, чтобы увернуться от мощного, но обычно вялого кулака Лиззи Лоури.

4 Марианна никогда раньше не проигрывала Лиззи и от этого заметно расслабилась, что и привело к утрате бдительности — как в буквальном, так и в фигуральном смысле. Недопустимый промах!

И все только лишь для того, чтобы украдкой взглянуть на сногшибательную картинку — герцога Стонтонна, стоявшего в первом ряду театра ее дядюшки.

Великолепный, известный своей чопорностью пэр выделялся среди толпы орущих мужчин, как маяк. Сама неподвижность высокого гостя отличала его от других.

Но не только невозмутимость выделяла Стонтонна: еще рост (он был выше большинства своих приятелей) и очень светлые пепельно-русые волосы. Герцог был одет в черный вечерний костюм, а когда скрещивал на груди руки, что-то поблескивало в полумраке зала. Кольцо! Камень, должно быть, просто громадный, раз Марианна видит блеск с такого расстояния. Кольцо на левом мизинце — значит, на руке у герцога не модная безделушка, а перстень-печатка.

Сначала она заметила только сверкающий камень, затем ее вниманием полностью завладел его напряженный взгляд, причем так же властно, как захватывает карету разбойник с большой дороги. Холодное, почти агрессивное выражение красивого лица и взгляд, словно раздевающий догола, и совсем не так, как это делали остальные зрители.

Тут в голове зазвучал голос Джека: «А ну соберись, а то сейчас ляжешь мордой на пол!»

Здравый совет вспомнился как раз вовремя. Лиззи размахнулась, чтобы ударить ее наотмашь. Плохое решение — все давно знали, что она пускает этот удар в ход, когда начинает задыхаться. Марианна уклонилась от неуклюжего выпада, выпрямилась и, обойдя вялую защиту Лиззи, нанесла ей отличный

удар в челюсть. Лиззи, размахивая руками, отлетела назад, всем своим крепким телом врезалась в толстые канаты и, словно разом перебив все свои кости, соскользнула на пол. 5

Секундант Лиззи (а также ее муж и тренер) кинулся ей на помощь, но она явно не могла подняться.

Дядя Марианны, Барнабас, владелец Фантастического женского цирка Фарнема, перелез через бархатные канаты, ухватил ее запястье и победоносно поднял вверх руку. Вопли толпы мало походили на человеческие — скорее напоминали безумную какофонию криков чаек в лондонских доках.

Когда Марианна взглянула на то место, где чуть раньше стоял суровый пэр, в самый центр переднего ряда бывшего театрального партера, герцог Стонтон уже исчез.

За кулисами царил суета, рабочие сцены торопливо меняли реквизит, готовясь к следующему действию, и ей потребовалось несколько минут, чтобы пробраться сквозь эту давку в гримерку.

Кроме Сесиль Трамбле, которая должна была выступить следующей, больше никого в тесной захлавленной комнатке, куда вошла Марианна, не было.

Красивая брюнетка обильно наносила на лицо грим. Барнабас требовал этого от всех женщин, когда они выступали.

Сесиль была не просто еще одной служащей дяди Барнабаса, но и ближайшей подругой Марианны, и жили они вместе. Француженка поселилась в свободной комнате у дядюшки Барнабаса, когда нанялась на работу в цирк. Эта искренняя женщина, немного старше нее, сразу понравилась Марианне, а за последние годы они стали близки, как сестры.

— Я видела, что ты на него смотрела, — произнесла Сесиль на своем очаровательном английском с французским акцентом, не отводя глаз от своего

6 отражения в зеркале и нанося на пухлые губки карминную помаду с блеском. — Герцог Дважды Безупречность пришел полюбоваться тобой.

Марианна улыбнулась, услышав прозвище Стонтона — точнее, одно из них: еще его называли «лорд Безупречность», «его светлость Безупречность» и просто «Безупречность», — и протянула руки, чтобы Сесиль распустила завязки на ее боксерских перчатках — варежках с шерстяной набивкой, которые по настоянию Барнабаса носили все его спортсменки.

— Да, я его видела, — созналась она.

— Знаю. Я поняла, что ты его видела. Думаю, у тебя появился новый обожатель.

— Он приходил и на твои шоу, разве нет?

Сесиль очень по-французски пожала плечами, словно говоря: «Разве существует мужчина, который не приходит на мои шоу?»

— Всего раз, в прошлый вторник.

Марианна выступала только по вечерам вторников. Ее дядюшка с радостью велел бы ей работать два вечера в неделю, но даже он понимал: для женщины это чересчур. И одного-то вечера много.

— Он не приходит посмотреть на Нору или Люси, — добавила Сесиль.

Нора и Люси тоже работали на ринге в цирке Барнабаса.

Фантастический женский цирк Фарнема был открыт шесть вечеров в неделю. В дополнение к боксу Сесиль стреляла, Джозефина Браун метала ножи, были еще карты Корделии Блэк, фокусы Франсин Гордон, акробатика и эквилибристика — и только женщины.

Изящные пальцы Сесиль развязывали узел на второй перчатке Марианны.

— Герцог гораздо привлекательнее, чем на 7
карикатуре, которую я несколько недель назад
видела в витрине мистера Хамфри.

Она имела в виду типографию Хамфри, где возле крохотной лавчонки собирались толпы, чтобы поглазеть на карикатуры и сатирические картинки, которые оборотистый печатник ежедневно вывешивал в своей витрине.

— Стонтон уже пытался с тобой поговорить? — спросила Сесиль.

— Нет, — соврала Марианна. Собственно говоря, это была не такая уж и ложь, поскольку она понятия не имела, что герцог Стонтон написал в своем послании. Она его выбросила не читая.

Сесиль закончила с завязками и снова опустилась на стул:

— А цветы присылал? Или что-нибудь блестящее?

— К счастью, нет. — Марианна сняла перчатки.

Сесиль пробормотала что-то похожее на «английский чурбан» и повернулась к зеркалу, чтобы подвести углем бровь.

— Говорят, герцог очень дружит с маркизом Карлайлом, — проговорила она, не отводя взгляда от своего отражения и подрумянивая щеки. — Маркиз приходил на какие-нибудь твои бои?

— Во всяком случае, я его не замечала, — сказала Марианна.

— Думаю, ты бы заметила, если бы этот пришел на тебя посмотреть. — Сесиль недовольно фыркнула, и Марианна улыbnулась.

Сесиль была заядлой читательницей колонок со сплетнями и старалась хотя бы дважды в неделю пройти мимо типографии Хамфри, чтобы полюбоваться сатирическими карикатурами в витрине его магазинчика. Самые разные газеты валялись по

8   всему дому дяди Марианны Барнабаса, где она жила, а некоторые газеты Сесиль даже коллекционировала. Марианна не раз задумывалась, уж не возникла ли у подруги своего рода мания по отношению к некоторым мужчинам, о которых писали в колонках: например, к маркизу Карлайлу, одному из самых желанных женихов Англии и главному герою светской хроники.

Не будь она такой уставшей, непременно поддразнила бы Сесиль, но вместо этого Марианна плюхнулась на табурет, стоявший перед вторым туалетным столиком, и начала салфеткой стирать с лица грим, шипя от боли, когда случайно задевала челюсть.

— Лиззи сегодня перестаралась? — спросила Сесиль.

— Ничего серьезного, — соврала Марианна; голова у нее все еще кружилась. Говоря по правде, тот апперкот был очень близок к левелеру — на боксерском жаргоне так называется мощный удар, которым можно мгновенно уложить соперника.

— Найди себе другую работу. Тебе и так повезло, что до сих пор сохранила лицо и, главное, зубы. — Взгляд Сесиль задержался на узкой переносице Марианны. Девушке уже дважды ломали нос, но, к счастью, Джеку (тренеру Марианны) оба раза удалось быстро его вправить, так что горбинка была почти незаметна.

Схватки, в которых участвовали Марианна, Нора и Люси, не были подстроены, не были и срежиссированы ради развлечения публики. Это были настоящие бои, а значит, и настоящие травмы. Как правило, Марианна переставала страдать от боли как раз к началу следующего боя.

— Если будешь продолжать, то скоро превратишься в подобие Джека, — добавила Сесиль.

С двадцати до тридцати лет Джек занимался боксом профессионально, и теперь, в сорок пять, история его боев отражалась у него на лице, как на дорожной карте. Марианна любила Джека, но уж точно не хотела выглядеть как он. 9

Марианна понимала, что Сесиль права: чем дольше она этим занимается, тем выше риск получить серьезную травму. Спустя два года боев она выглядит хорошо только благодаря тому, что в Фарнеме все боксируют в мягких перчатках. Богатые зрители, приходившие в цирк, хорошо платили за возможность посмотреть на любую женщину на ринге, но раскошеливались еще охотнее, если женщина была привлекательной. Никто не назвал бы Марианну красавицей, но она выглядела куда симпатичнее, чем бедняжки, вынужденные участвовать в кулачных боях ради куска хлеба.

Стерев с лица толстый слой грима, Марианна растегнула платье, которое надевала на бои. Барнабасу хотелось, чтобы она одевалась как Сесиль: в узкое облегающее атласное платье с глубоким вырезом, подчеркивающее ее прелести, — но Джек наотрез отказался тренировать ее, если она будет боксировать в наряде, ограничивающем движения. Костюм, который Джек в конце концов одобрил, был достаточно свободным, чтобы не мешать его подопечной двигаться и не стеснять дыхание, из легкой ткани, чтобы не сковывала ноги. Что до корсетов, то они лишь обозначали приличия и совершенно не мешали Марианне дышать.

Барнабас, будучи Барнабасом, то есть непревзойденным балаганщиком, приказал костюмеру использовать тончайший муслин, какой только можно отыскать, и перед каждым боем наряды Марианны сбрызгивали водой. Когда девушка выходила на

10 сцену, создавалось впечатление, что она практически обнажена.

Марианна торопливо разделась до сорочки и мужских панталон, которые стала надевать после того, как однажды во время боя с нее почти полностью сорвали платье и нижнюю юбку, затем налила в таз теплой воды и ополоснула руки и ноги. Вернется домой — примет нормальную ванну.

Она как раз надевала поношенное парчовое платье, хранившееся в гримерке, когда дверь приоткрылась и внутрь просунулась голова Джека.

— Привет, уточки мои!

Марианна крепко обняла его:

— Рада видеть твою уродливую морду!

Джек стиснул ее так, что ребра затрещали, отпустил и повернулся к Сесиль.

— А ты как поживаешь, принцесса? — спросил он, склоняясь над рукой француженки.

Сесиль рывком подняла его голову и расцеловала в обе щеки. Грубое лицо тренера запыхало.

— Рада тебя видеть, Джек.

— Как хорошо домой-то вернуться. — Он сдвинул в сторону кучу костюмов и одежды, валявшихся на кушетке, и осторожно опустил на нее свое высокое, в шесть футов три дюйма, тело. — Это была долгая поездка. — Но его хорошее настроение мгновенно испарилось, стоило ему взглянуть на распухшую челюсть Марианны. — Черт побери, Энни, что это я такое вижу? Сколько раз я тебе говорил: думай во время боя?

— Знаю, Джек. Я отвлеклась и тут же была за это наказана.

Он что-то проворчал, и по выражению его лица Марианна поняла: она еще не все услышала.

— Марианне нужна другая работа, — заявила Сесиль и, поднявшись, так резко дернула вниз свой

черный атласный лиф, что едва не выскочили соски. 11

Даже Джек, давно привыкший находиться среди полуодетых женщин, с трудом сглотнул, глядя на Сесиль. Она была красоткой: черный атлас выгодно подчеркивал блестящие, черные как смоль волосы, составлявшие резкий контраст с фарфоровой кожей и темно-карими миндалевидными глазами. Сесиль выглядела порочно и чувственно. А уж когда она надела на талию сделанную на заказ кожаную кобуру и застегнула на широких бедрах, то и вовсе стала выглядеть как олицетворение опасности.

— Тебе так не кажется, Джек? — спросила Сесиль.

Джек с заметным усилием отвел взгляд от ее декольте:

— Э-э-э... что?

— Марианна. Ей пора прекратить боксировать.

— А... да я ей это уже говорил, причем еще до того, как она начала. — Джек, ухватившись за свою любимую тему, начал горячиться. — Хорошенькая умная девушка вроде тебя не должна...

Тут дверь в гримерку распахнулась с такой силой, что ударилась о стену, и в проеме показалось рассерженное, раскрасневшееся лицо дяди Барнабаса. Он ткнул пальцем в Сесиль.

— Вот ты где! А ну вытаскивай отсюда свою задницу, мисси, ты чертовски опаздываешь, и парни в зале начинают беспокоиться.

Сесиль, реагируя на приказы, как кошка, внезапно решила, что ей нужно хорошенько изучить ногти.

Барнабас издал задушенный досадливый звук, но благоразумно воздержался от дальнейшего давления.

Вместо этого он повернулся к Марианне.

12 — А ты... — сказал он, бросая острый взгляд на Джека. — Я хочу, чтобы перед поездкой девочка была в наилучшей форме. Хватит переключать ее тренировки на твоего дружка Энди. Ей нужен ты.

— Что ей действительно нужно, Барни, так это другая работа.

Барнабас нахмурился — то ли из-за совета Джека, то ли из-за нелюбимого прозвища, а может, из-за того и другого вместе.

— Чтобы до нашего отъезда ты тренировался с ней трижды в неделю.

Джек возвел глаза к потолку, но Марианна кивнула.

— Да, дядя.

— О, чуть не забыл, — сказал Барнабас. — С тобой хочет поговорить герцог Стонтон.

Марианна чуть не рассмеялась. Чтобы дядюшка «чуть не забыл» передать сообщение от герцога?

— Нет.

— Марианна, не будь душой. Это второй...

— Нет.

Он умудрился выглядеть раздраженным и одновременно удрученным.

— Человек просто хочет с тобой поговорить. Можешь пригласить его домой и принять в библиотеке или...

— Нет.

Барнабас проворчал:

— Вот упрямая! — И, резко развернувшись, вышел из гримерки.

Марианна просто поверить не могла, что Барнабасу хватило наглости навязывать ей Стонтон. Опять.

Сесиль дернула подбородком в ту сторону, где до этого стоял Барнабас.